

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
К17

Книга публикуется в авторской редакции

Каллен, Никки

К17 Арена / Никки Каллен. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 576 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-091250-6

Готовы ли вы встретиться с прекрасными героями, которые умрут у вас на руках? Кароль решил никогда не выходить из дома и собирает женские туфли. Кай, ночной радио-диджей, едет домой, лифт открывается, и Кай понимает, что попал не в свой мир. Эдмунд, единственный наследник огромного состояния, остается в Рождество один на улице. Композитор и частный детектив, едет в городок высоко в горах расследовать загадочные убийства детей, которые повторяются каждый двадцать пять лет...

Непростой текст, изощренный синтаксис — все это не для ленивых читателей, привыкших к «понятному» — «а тут сплошные запятые, это же на три страницы предложение!»; да, так пишут, так еще умеют — с описаниями, подробностями, которые кажутся порой излишне цветистыми и нарочитыми: на самом интересном месте автор может вдруг остановиться и начать рассказывать вам, что за вещи висят в шкафу — и вы стоите и слушаете, потому что это... невозможно красиво. Потому что эти вещи: шкаф, полный платьев, чашка на столе, глаза напротив — окажутся потом самым главным.

Красивый и мрачный роман в лучших традициях сказочной готики, большой, дремучий и сверкающий.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-091250-6

© Никки Каллен, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

В 1984 году у группы Duran Duran вышел концертник под названием «Arena». На том диске, который есть у меня, десять песен. Мне всегда хотелось сказать Duran Duran, как они прекрасны. И я решила написать свою «Арену»; названия рассказов — это названия песен из альбома. Просто и концептуально, как тыквенные семечки.

Duran Duran, вы прекрасны!

Все прочие упомянутые-использованные имена, цельные или разбросанные, типа Даниэле Рустioni, Кайла Маклахлана, Венсана Касселя, Сина — это не совпадения — это все те же — тоже признания в любви.

Никки Каллен

IS THERE SOMETHING I SHOULD KNOW?

Мой отец был военным; окончил Суворовскую академию, «сурововскую» — как он называл ее в разговорах только для нас, «мальчиков», братьев, его двух сыновей; иногда младший брат просил его рассказать — о мечте, о решении; он зачитывался по ночам наполеоновским «Египетским походом», воспоминаниями маршала Жукова; мама вздыхала, будто роняла тяжелое, уходила на кухню, где всегда на холодильнике лежала книга Хмелевской, и курила — длинные белые сигареты, похожие на восковые свечки в православных церквях; она очень быстро устала быть женой военного; каждый переезд для нее становился не обретением, а потерей. А мы втроем оставались разговаривать; это мы умели: строить планы, проекты по старому стилю; сидеть в креслах — их под нас тоже было три, голубых, плюшевых, с огромными, как лапы, подлокотниками, словно из мультиков медведи; «истинная сущность ваших душ», — приговаривала мама, когда в очередной раз, переезжая, приходилось тащить их на этажи. Жизнь родителей тогда казалась предметом с распродажи — ненужным, но красивым, то, что вспоминаешь, уехав надолго. А своя — белым пляжем в пасмурный день: только проснулся, отпуск, раннее утро, серая пена, выброшенные на берег ночным штормом морская капуста и отполированное стекло. Я всегда собираю такое стекло на море — гладкое, непрозрачное, — как

жаль, что не это — деньги... Брат тоже мечтал стать военным; и стал; сейчас он где-то в раскаленной стране, пишет мне иногда письма, словно и не уезжал никуда — словно мы никогда не росли, не выросли, не расставались; словно он пишет их сам себе; через времена; своему придуманному брату; как я отвечаю ему — не зная, какого цвета сейчас у него глаза. Прошла тысяча лет — двадцать восемь тысяч лет, фантастическое число, фильм «Солярис», замкнутое пространство, придуманное и повторяемое; я разошелся с женой и живу на белом пляже, сочиняю воспоминания, гуляю с собакой, боюсь ее потерять, замерзнуть сердцем. Еще здесь наступает осень, и море выбрасывает по утрам на бледный, как усталые лица, берег морскую капусту и отполированное стекло...

В год, когда брат поступил в академию — мама выкурила на кухне три пачки, я выносил мусор и сохранил одну, — мы опять переехали. Таскать кресла отец нанял грузчиков. Город был небольшой, очень старый; около тысячи лет; из такси он показался мне иллюстрацией к сказкам братьев Гримм. В несколько подъездов дом — из красного кирпича, высокие, узкие, словно стрелы, окна, словно не дом, а храм, — и всюду плющ; сердцевина лета, сирень, жасмин, отравленные короли. Я отнес документы в школу через два квартала — таких же зеленых и готических; а на обратном пути влюбился в девушку: она шла, легкая, как туман, в белом платье — абсолютно белом, хотя был конец рабочего дня, — восхищаюсь людьми, умеющими носить белый цвет, не собирая на подол и локти всю мировую пыль. Волосы у нее были темные, как и глаза — карие; лицо благородное, словно серебро, — я поймал отражение в витрине. Она заметила, что я иду за ней, улыбнулась. В руках она несла толстые, как плюшевые игрушки, пакеты из супермаркета. Я смутился и отстал; зашел в чужой двор — смотреть на красный кирпич стен столетней давности. Старушка, сторожившая на лавочке белье, рассказала, что весь этот квартал застраивался для купцов первой гильдии, — почти все они были связаны родственными отношениями, потому-то все дома одинаковые. «И кто здесь теперь только не живет, от привидений до странников»; и я ушел, рассказав в натуральный обмен основное о своей семье. Мир наполнился сказкой. Никогда он не был для меня отчаянием или страхом;

не потому что я счастлив или глуп, надеюсь, — просто мне всегда хотелось говорить — рассказывать — слушать — сейчас писать — как слабость; другие любят сладкое. Когда облакаешь действительность в слова, она теряет общечеловеческий смысл — и становится твоей собственностью, как чувства, успевшие спрятаться в дневник; можно превратить во что хочешь. Вы когда-нибудь играли в «секретники»: когда роешь в земле ямку, кладешь обыкновенный фантик и сверху стекло, и закапываешь, несколько дней молчишь, а потом берешь друга и начинаешь искать, повествуя о невиданной красе? Вот что был для меня мир и что есть теперь — мое воспоминание о той осени в противовес этой — первой старой...

Я искал секрет. Разгадку и при этом — загадку. Все зашифровывал и терял ключ, потом с наслаждением, присущим глотку воды, вспоминал место и звук. Истории, реальность для которых — повод уйти в придумывание историй. Иногда мне казалось, когда я сидел в комнате, полной людей, что зашеlestят крылья — огромные, как мосты, — разворачиваясь, будто веер, у меня за спиной...

У нашего подъезда тоже сидели на лавочке старушки. Их кожа напоминала мне газетную бумагу. Они проводили меня взглядами, похожими на снежки за шиворот; дома мама готовила обед.

— Люк, — меня назвали, кстати, в честь Скайуокера, — пока ты не успел скинуть кроссовки, сходи в магазин за солью, а то будете как в «Короле Лире» — страдать без любви...

Я спустился на один пролет — третий этаж — и, передумав идти в магазин, позвонил в первую дверь. Двери, кстати, тоже были одинаковыми, как белые рубашки, — сплошь подделка под черное дерево. Звонок отозвался в глубине квартиры эхом — словно там не было никакой мебели, а лишь полный зеркал танцевальный зал. Потом залаяла собака — тоже издалека; словно в квартире таились целые вересковые пустоши и кто-то охотился; а потом шаги — и дверь открылась, стремительно, как ветер в лицо, — я чуть не упал.

— Да?

Он был моих лет, ну, может, чуть старше — оттого, что глаза темнее и синева на щеках. Бледный, как вещи в сумерках; темные волосы в очень красивом проборе и с челкой, как

с фотографий начала века; эдакий Феликс Юсупов. Нос и губы — как нарисованные карандашом средней твердости. Белая рубашка и черные узкие бархатные брюки; босиком. До этого я никогда не видел столь красивых людей — только та девушка в витрине — она напоминала его отражение. Собака, стройная, как туфли на шпильке, колли, запуталась в его ногах.

— Да? — повторил он. — Ты что, оглох? — будто мы прожили вместе не одну жизнь и здорово надоели друг другу — мушкетеры сто сорок лет спустя.

— У вас не будет соли?

— Соли? Которую в еду кладут?

— А есть еще какая?

— Для ванн, у меня сестра любит...

— Давайте, если не жалко.

Он смотрел на меня минуту — с тех пор мне нравятся кинофильмы, использующие молчание, как диалог; потом засмеялся:

— Ты кто? — вот так и выбираешь свою судьбу; но я не успел ответить: сзади меня раздался женский голос:

— Кароль, здравствуй, а кто этот мальчик?

Колли прыгнула сквозь меня в ее объятия — я обернулся, и это была девушка из витрины: вблизи она оказалась настоящей красавицей, словно кольцо из стекла или словарь с застежками, в перламутровом переплете.

— Не знаю; позвонил, попросил соли, не представился.

— Да, не по-английски как-то, — и я представился: — Люк, ваш новый сосед с четвертого.

— А, вы та семья военного, — сказала девушка и заволокла колли в прихожую, сняла ошейник и поводок с вешалки, полной шляп — соломенных, фетровых, с цветами, ягодками, шарфами — словно театральная гримерка. — Кароль, помоги, — парень придержал морду собаки. — А мы брат и сестра, Кароль и Каролина...

— Карамболина, Карамболетта, — спел Кароль фантастически серебристым голосом и подмигнул; пол под моими ногами превратился в стеклянный, и заплывали золотые, пурпуровые рыбы — настолько фантастическими, невероятными были эти брат и сестра, сказочными, как музыка Dead Can

Dансе, прикосновение к другим мирам. Потом Каролина вышла с собакой, оставив пакеты в прихожей; Кароль сел на черный, без пылинок, песчинок, словно черная дыра, ковер и стал в них шариться по-детски — в поисках интересного.

— Ничего интересного, — констатировал; я же все это время стоял у приоткрытой двери и наслаждался, словно видом из окна: сосны, водопад, Твин Пикс на краю земли. — Можешь сам посмотреть. Ни шоколада «далматинец», ни орехового масла, ни клубничного или персикового венгерского компота...

— Любишь сладкое?

— Люблю.

— Не по-мужски.

— Я не настаиваю на своей мужской природе, как перец на водке, — и засмеялся, будто кто-то поскользнулся на банановой кожуре, — а, ты же любишь соль... Селедку, наверное, винегрет, бульоны всякие... Огурцы. Все, что полезно. Морковку с чесноком...

— Слушай, ты дашь мне соль? А то мы с папой останемся без обеда.

Он неохотно встал, отряхнулся, как от воды, и ушел на кухню, стукнул шкафом, как кулаком; я не удержался, заглянул в пакеты: два палмолизовских геля для душа, бледно-желтые, как луна на исходе, банановые яблоки, черный хлеб, булочки с корицей, всякие крупы, пакеты молока, йогурты... Он кашлянул у меня над ухом — я покраснел, взял соль на белом стеклянном блюдечке и ушел; дверь за мной тяжело захлопнулась, как ворота замка за неугодным вассалом...

Потом мы ели солянку, хлеб с отрубями, кофе из жестянки; куча вещей под ногами — как камни; мама вытащила только тарелки, вилки, кружки, чайник и казанок и подключила холодильник; «мам, — сказал я, — у нас потрясные соседи снизу»; она мыла посуду; тяжелая светлая коса вокруг головы — словно старорусская дворянка; потом вытерла руки пушистым полотенцем, взяла сигарету, тонкую, как соломинка, и только тогда переспросила наконец: «что?»

— У нас очень странные соседи снизу — парень и девушка... очень красивые, с собакой-колли...

— Гражданский брак?

— Нет, брат и сестра; а что, это важно? — удивился я; ну что за уроды эти взрослые: говоришь им о цвете глаз твоего нового друга — странном, как отблеск заката на стекле, — вдруг он вампир? а они тебе: кто его родители, как он учится, куда думает поступать; а потом сам становишься таким — определенным, определяющим, как геометрия...

— Одни, без родителей?

— Да вроде, — в одном городе у меня были знакомые без родителей — два брата, Марк Аврелий и Юэн; их мама умерла от рака, отец не выдержал без нее — застрелился, но они никогда не говорили об этом; я учился с Марком Аврелием в одном классе, он был старше брата на шесть лет — учил его пить, курить, читать древних философов; в их квартире тусовался весь город. — Но они не маленькие...

Тут раздался звонок, как по сценарию, и пришла соседка — тоже знакомиться; с тортом собственного приготовления; «ваш сын?» «да, старший, Люк, второй, Ган, уехал учиться в суворовское» «боже, что вы говорите, это так необычно, а у меня две дочери-близняшки»; поставили чайник, уселись у окна, как куры на насест; «над вами живут Албарны, очень хорошая семья; он, правда, выпивает частенько, но работа такая — своя автомастерская; руки золотые, всю мебель в доме сам сделал, мать — библиотекарь в тюрьме, представляете; очень красивая женщина; у них тоже двое сыновей... А под вами...»

— Люк сказал, какие-то брат и сестра без родителей, — они обе вдруг глянули на меня; я ел торт и тупо покраснел, словно своровал мелочь. — Он попросил у них соли к обеду, я еще не все тюки распаковала...

— Каролина так рано была дома? — удивилась соседка, а я почувствовал запах: любопытства, пыли, лимона...

— Мне открыл парень, — ответил еле слышно, наблюдая, как данное мне откровение от Бога на моих глазах превращается в сплетню-макrame.

— Как странно; кажется, вы первый человек, кто увидел его впервые за пять лет. Калиновские живут здесь уже лет пять, эмигранты из Польши, и все эти пять лет он не выходит из дома... — мама резко повернулась, пепел с сигареты просыпался ей на фартук; и я понял, что ей неинтересно.

— Просто роман какой-то.

— Не роман, а паразит, — резко ответствовала соседка, словно речь шла о позиции нашей страны в новой войне. — Его сестра — гений, молодой ученый, физик-ядерщик; ее пригласили сразу после защиты диссертации в наш космический городок — наш отец сегодня в пять утра уехал туда на служебной машине, работать; чудесная девушка: всегда место в автобусе пенсионерам уступает, поговорит при встрече; а брат живет за ее счет который год, даже в магазин не ходит. Школу давно окончил и болтается без дела...

— Откуда вы знаете, может, он писатель — давно под псевдонимом Нобелевскую премию получил, — сказал я; соседка засмеялась; кажется, она не верила в то, что люди по соседству могут получать премии и вообще — быть не из крови и плоти и желаний; нормальная философия: прекрасные истории случаются с кем-нибудь другим. «Приходите ко мне в гости, за солью, чем угодно, очень буду рада», — мама вышла проводить ее в прихожую, тоже заваленную коробками, тюками, как ворота осадного города; а внутри меня поднялся настоящий белый шторм. Наверное, это было все то же прошлое, бледное, как в холод, любопытство, но мне оно казалось благородным, ведь я в своем мире был положительный герой; мушкетер, рыцарь Розы; два дня мы с отцом распаковывали вещи, кресла, ставили их у окна, не нравилось; двигали к двери, рядом ставили стеллажи, на них — штуки из ИКЕА и книги — полную «Библиотеку приключений». На утро третьего дня я помыл блюдечко, спустился этажом ниже и позвонил в их дверь. Долго никто не открывал, даже лая не было слышно; «Каролина взяла собаку, Кароль спит», — подумал я; стеклянный домик воображения; еще раз позвонил; звонок у них был обычный — резкое сопрано; приложил ухо к замку, как ковбой к земле; потом поставил блюдечко под дверь, написал на листочке из блокнота с дневником моего сердца «спасибо» и шагнул по лестнице вниз, к улице; нужно еще забежать в школу — посмотреть расписание. Дверь позади меня открылась.

— Ну, чего тебе? — голос его прозвучал сердито, будто его оторвали от классного детектива.

— Блюдечко принес, вернуть, — он сшиб его дверью, оно покатилося, как яйцо, вместе с запиской к ступенькам, но я поймал.

— О господи, — сказал он, взъерошил волосы; в белой приталенной рубашке, с рукавами, закатанными под тонкие, как ветки, локти, и в этих бархатных штанах он казался богом, человеком с постера; совершенный и изящный, как восемнадцатый век. — Слушай, ты не мог бы выгулять Миледи Винтер? Я обычно ее так отпускаю, с ошейником, и она всегда возвращалась, но я все жду, что не вернется...

Я поднялся. Он впустил меня в прихожую, свистнул собаку, начал бороться с ошейником, поводком и рыжими лапами.

— Шарлотта Бейль, Миледи Винтер, леди Кларик — как в кондитерской, я бы не выбрал...

— Каролина назвала, — он увернулся от языка, — ее любимая книжка. Она же там в основном под этим именем... А ты, часом, не Скайуокер?

— Да, а мой брат — Ган. Папа обожает «Звездные войны».

— А ты?

— Да, ничего не имею против в выходные с тазиком оливье.

— А меня назвали в честь Папы Римского: я родился в день, когда в него стреляли; мои родители католики, для них это было важно... Главное — это найти то самое имя; гласные-согласные, цвет-звук-вкус; национальная принадлежность не имеет значения. Правда? Ненавижу сугубо национальные литературы, хлорированную воду и сплетников...

Я ушел гулять с Миледи Винтер; она была сильная, как ветер; весь квартал красных домов-близнецов тихо полоскался за ней в невесомости, пока она гоняла голубей; последними мышечными усилиями я повернул, как старинный резной штурвал, домой; Кароль уже ждал на пороге; «в окно посмотрел», — объяснил, и я представил, как отгибается укороткой край малиновой занавески: не дай бог внешний мир заметит, что им кто-то интересуется... Из квартиры тянуло кофе с корицей.

— Спасибо.

— Не за что. Хотя — есть за что; угостишь кофе?

— Гм... — он наклонился к собаке, и я стал местом, освещенным луной. Решил отомстить.

— Ты не любишь сплетников, потому что о тебе сплетничают. Погоди, как там: не работает, сидит на шее у сестры, такой хорошенькой и хорошей девушки, и — самое скандальное и нетерпимое — никогда не выходит из дома. Подвергнуть его аутодафе!

Он медленно распрямился, сжал перламутровые кулаки, и я подумал: «о нет, кажется, не отомстил, а обидел; сейчас ударит»; хотя честных людей трудно обидеть, они в основном экзистенциалисты, привыкли отвечать за свое существование.

— Ведут с Каролиной нравоучительные душевные беседы на лестнице, когда она с работы приходит с тяжелыми пакетами... — прошипел он, словно лопнул воздушный синий шар. — Старые, жирные, пыльные блюда. Слава богу, моя сестра слишком хорошо воспитана в отличие от них; молча выслушивает и спрашивает еще: «а как ваше здоровье?» Если я не выхожу из дома, так это чтобы с людьми не встречаться, с подобными им; которым есть дело до всего, потому что у них нет своих дел. Что же до работы — я в месяц зарабатываю больше, чем весь этот дом за год.

— Взламываешь коды центральных банков? — я захотел написать сценарий приключенческого фильма с кареглазым хрупким героем без героини. — А я тебе расскажу, о чем мой будущий роман.

— Думаешь, твой секрет стоит моего?

— Думаю, да; я же будущий нобелевский лауреат по литературе, — он засмеялся и открыл дверь; я вошел, а он побежал на кухню спасать кофе — вернулся с розовым пушистым полотенцем через плечо: — Тебе что, особое приглашение нужно?» Миледи Винтер скакала вокруг меня, записав, похоже, во что-то симпатичное, мелкое, вроде голубя; я снял кроссовки и прошел в его комнату — комнату Кароля Калиновского, самой загадочной жизни после моей: малиновые, плотно задернутые занавески, малиновый тюль под ними, вместо обоев — роспись, огромный сад, полный птиц, золотых и розовых плодов; сад рисовала Каролина, узнаю я потом; еще она вышивала копии знаменитых картин — Брейгеля, Босха,